

МОСКВА. ДЕНЬ

Танк стрелял по Белому Дому неторопливо, уверенный в своей правоте (а может, безнаказанности). По крайней мере, стреляющий этот танк не искал никаких защитных убежищ и, как на ладони, совершенно открыто стоял в окружении двух или трех своих собратьев на широкой площади имени "Свободной России".

ТИТР: "4-е ОКТАБРЯ 1993 ГОДА"

Толпы народа (в которых яковбы встречались "дамы с собачками") с места являлись на эту бойню. Комментаторы "CNN" из своего наблюдательного пункта, расположенного на крыше одного из домов неподалеку, на быстром и взволнованном английском не переставали то ли удивляться, то ли возмущаться этим самым "дамам с собачками" и вообще этим непонятной мистерию, разворачивающейся прямо у них под носом.

КОМНАТА С РАБОТАЮЩИМ ТЕЛЕВИЗОРОМ. ДЕНЬ

Одетый довольно строго — пиджак и, по всей видимости, галстук, — мужчина будет сидеть, неподвижно глядя в экран. Его прямая широкая спина, крупная голова с небольшой лысинкой, по-хозяйски раскинувшаяся на спинке кресла рука, — все должно выдавать в нем человека, не теряющего спокойствия даже при наблюдении за такой бойней.

НЕБОЛЬШАЯ ПЛОЩАДЬ В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Всюду будут видны следы недавно закончившейся стычки: еще дымящийся остов троллейбуса, полуразрушенные баррикады, наспех сделанные из подручных материалов, каких-то бочек, скамеек, частей арматуры, бетонных блоков, ржавых труб, вырванных кусков забора и тому подобное. Земля будет усыпана камнями, залита пеной пожарных машин.

цями за резиновую окантовку заднего окна, будет стоять мальчик лет десяти. Яков появится из-за угла крайнего дома. Отглянувшись на рискованного паренка, Яков подчеркнuto неторопливо и спокойно пойдет на другую сторону площади — стараясь, впрочем, держаться поближе к стенам домов.

Контролирующий проезд через эту площадь БМП, конечно же, заметит его еще издали. Одинокий, в куртке защитного цвета, с длинным баулom на плече, разумеется, он вызовет у спецназовцев подозрение. Снявшись с места, БМП с вальняжной неторопливостью двинется к Якову.

Яков не станет дожидаться, пока они подъедут. Он дернет одну подъездную дверь, затем другую. Обе окажутся закрыты. Тогда он побегит — сначала навстречу БМП, а потом, уже сблизившись с машиной, резко вбок — чтобы они не успели сделать маневр. Расчет его будет только на то, что здесь, в центре Москвы, на глазах у выглядывающих из-за штор и жалозей жильцов они не решатся расстрелять его из своих крупнокалиберных пулеметов сразу же.

Из-под каски у спецназовца брызнет, и парень клоннет в землю прямо перед носом БМП, так что машина едва успеет крутануть вбок, чтобы не переехать своего товарища.

Крупнокалиберная очередь сначала взрыхлит землю в том месте, где только что стоял Яков, потом, послушная внезапному движению БМП, мазанет по верху дома и заглохнет. Вслед ей раздадутся несколько очередей из автоматов, но будет уже поздно — Яков окажется вне досягаемости.

Проскочив под низкой аркой, он успеет выбраться на соседнюю улицу, и спецназовцы не рискнут последовать за ним — к этому моменту он уже убедит их, что умеет метко попадать между каской и бровями.

Чердак одного из домов в центре. Вторая половина дня. Это должно быть чердак сталинского дома — с голубями, с круглыми бревенчатыми балками, поддерживающими мощную, углом скользящую крышу, захламленный и как бы совсем необитаемый. Тут должны проходить какие-то довольно многочисленные коммуникации: водопроводные трубы, телефонные и силовые кабели, проложенные в желобах по полу, и тому подобное.

Если бы не канонада пулеметных и автоматных очередей, доносящаяся с не столь отдаленных улиц, было бы полное ощущение, что здесь — вечное царство сонного полумрака и голубиного клекота.

Лок в полу чердака приподнимется, и в образовавшемся проеме возникнет голова Якова. Не спеша забираясь сюда, Яков сначала пошевелит себе карманный фонарик и внимательно оглядит чердачный сумрак.

ЧЕРДАК. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Он обнаружив в чердаке ничего подозрительного, Яков наконец должен подойти к слуховому окошку. Он попробует раскрывать створки, но они, конечно же, окажутся заколоченными. Тогда ребром ладони он легонько ударит по раме.

дальнейшим светом. Сквозь образовавшуюся щель он посмотрит наружу и, видимо, найдя там то, что его интересовало, удовлетворенно отстранится. Затем он раскроет свой баул и вынет из него футляр, очень похожий на скрипичный. Бережно положив футляр на пол, он опустится рядом с ним на колени.

В этот момент в районе Белого Дома опять раздастся очередной раскатистый танковый выстрел. Яков неодобрительно поморщится и раскроет футляр.

На выложенных темным бархатом поверхностях тускло блеснет каркасный приклад и детали разборного оптического прицела. Слово приветствуя старую знакомую, Яков с любовной неторопливостью проведет по ним ладонью.

Наглядевшись, он вынет из-под мышки пистолет (который при ближайшем рассмотрении окажется заметно крупнее и мощнее обычных моделей) и, приподняв из бархатной ложбинки футлярный приклад, присоединит его к пистолету. Затем он возьмет в руки одну из частей оптического прицела.

Пройдет совсем немного времени, и вот уже, оснащенная мощной оптикой, глушительной насадкой на конце ствола, наверное, десятка тысяч раз стрелявшая из его рук на тренировках и предназначенная всего лишь для однократного употребления в деле, предстанет она перед ним во всем устрашающем блеске своего величия, — снайперская его винтовка.

Яков бережно просунет винтовку в щель между раздвинутыми створками окна и приложится глазом к окуляру оптического прицела.

Особняк. Комната с работающим телевизором. Вторая половина дня. Пока он носил свое оружие в "скрипичном" футляре, прицел немного сбился с резкости. Поэтому хозяин квартиры возникнет перед ним сначала слегка размытым, и лишь через секунду, когда Яков увидит, что он вывудил откуда клубок темной шерсти, проткнутый двумя вязальными спицами.

Еще раз оглянувшись, Яков сядет на перевёрнутые ящики (которые божки, порой забредающие сюда, видимо, использовали в качестве кровати) и, секунду помедлив, вполне профессионально наберет первую петлю.

Последний этаж одного из двух центральных подъездов этого дома. Начало вечера. Лиза засмеется. — Подожди, — прошепчет она. — Не на лестнице же!

А что, идея, — Ларин неохотно уберет руку. Они будут подниматься по тупиковому лестничному пролету, ведущему от последнего этажа к узкой полуметровой площадке перед невнятной оцинкованной дверью на чердак.

Лиза достанет ключи и, нащарив замок, быстро ототрет. — Давай, — шепнет она, пропуская Ларина внутрь. Яков должен оглянуться на скрежет отпиремого замка.

В дальнем конце чердака распахнется дверь, которой при осмотре он не придал значения, потому что посчитал ее глухо закрытой. Выразительно приложив ствол к своим губам, мужчина даст ей понять, чтобы она молчала.

УЛИЦА. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Мужчина и женщина свернут под арку дома. В этот момент те двое, так никого и не найдя тут, выйдут из подъезда и, возвращаясь назад, направятся к арке. Чуть завидев их, мужчина и женщина тут же выскочат из-под арки и шарахнутся куда-то за деревья, так что двое «наружников», пройдя всего в нескольких метрах, их не заметят.

И только когда «наружники» уже скроются из виду, мужчина и женщина выйдут из-за своего укрытия и свернут под арку. Чердак. Вторая половина дня. Хорошенько разглядев в прицел Федулова, Яков отстранится от окуляра и закрепит винтовку на маленьком подоконнике.

Затем из одного из внутренних карманов своей куртки он извлечет портативную радиостанцию. Он вытянет из радиостанции антенну и нажмет на кнопку. Послышатся шепсел и потрескивания радиозвонка.

— Двадцать шестой, двадцать шестой, я первый, как слышите, прием, — проговорит он в микрофон радиостанции. — Слышу, первый, — сквозь шум эфира прорезается мужской голос. — Докладывайте!

— Я на месте. Готов. — Клиент где? — Здесь еще. — Хорошо. Ждите команду. В эфире раздастся характерный щелчок. — Двадцать шестой! Двадцать шестой! —

Однако никто больше не ответит. Яков немного подождет, но ответа так и не будет — «двадцать шестой» на том конце связи отключится.

Яков слегка пожим плечами и поставит радиостанцию на подоконнике рядом с винтовкой, после чего опять наклонится к баулу. Теперь на свет будет извлечен запас еды: несколько банок консервов, несколько плиток шоколада, сухари, пакетики с сублимированным мясом и тому подобное, — примерно, на него и не слишком, правда, оптического прицела.

Он еще раз заглянет в оптический прицел, пощелкает кнопками радиостанции — радиация будет молчать, — и тогда Яков последний раз засунет руку в баул. Он немного покопается там, и, когда увидит, что он вывудил откуда клубок темной шерсти, проткнутый двумя вязальными спицами.

Еще раз оглянувшись, Яков сядет на перевёрнутые ящики (которые божки, порой забредающие сюда, видимо, использовали в качестве кровати) и, секунду помедлив, вполне профессионально наберет первую петлю.

Чердак. Начало вечера. Стоя в полутьме, за балкой, всего в пяти метрах от них, Яков будет прислушиваться к их напряженному дыханию, перешептыванию, смехам и скрипу ящиков под ними. Стараясь щелчком не выдать своего присутствия, он будет отсоединять приклад своей винтовки, вновь превращая ее в пистолет.

Затем Яков тихо взведет затвор и, положив палец на спусковой крючок, поднимет пистолет стволом вверх. Он слегка высунется из-за балки и посмотрит на них.

Чердак. Начало вечера. Будет яркое осеннее утро. Стоя возле окна, Сержаков должен рассматривать в бинокль окрестные дома. За спиной у него будет Ларин.

ры: красивая женщина, лет двадцати семи, и с ней парень явно атлетического сложения.

Яков среагирует спокойно, но довольно быстро. Он снимет с подоконника винтовку с радией и отойдет в полуметровую часть, за балку. — Все-таки ты грубый, Ларин! — возмущенно зашепчет Лиза. — Погоди, дверь запри!

— Да ладно, брось, — тот, кого она назвала Лариным, самодовольно засмеется и опять полезет к ней под юбку. Она запрет дверь и повернется к нему. То, что женщина красивая, Яков разглядит сразу — даже в полумраке чердака.

— Ты мне сейчас все порешешь, — она будет отталкивать руки Ларина, а он все также настойчиво лезть к ней. Несколько секунд они будут молча бороться. — Ну ладно, — наконец скажет Лиза, — я сама.

Подхватив у Ларина платье, она снимет его через голову, а потом — после секундной нерешительности, — станет снимать белье.

Увидев, что она раздевается, Ларин тоже начнет быстро раздеваться. В этот момент где-то в районе Белого Дома опять забавачет. — Давай! — она поднимет с пола его брюки, которые он, раздеваясь, второпях оставил прямо там же, где снял, и кинет их ему на кровать.

— Ты чего, Лиз? — Ларин удивленно посмотрит на нее. — Ничего, надвоем тут, одевайся! Чего мы куда-нибудь в гостишку не ходим? — пробормочет она, натягивая под платьем трусики. — Бомжатник какой-то. — А это и есть бомжатник. Зато здесь не заскут.

— Ты чего, боишься? — торопливо надевая на себя свои вещи, она будет стараться не глядеть туда, за балку, где затаялся мужчина. — Нет. Жизнь люблю. — Лиза посмотрит на Ларина. — Он убьет, если узнает, — добавит тот.

Бздыхнув, он встанет с кровати и начнет застегивать брюки. — Дурацкая, он не знает? Ларин пораженно повернется к Лизе: — Ты что хочешь сказать? — Ничего, — невозмутимо ответит она. — Пошли. — Даже не взглянув на него, она решительно направится к двери.

— Он что, знает? — не успев толком застенуться, Ларин последует за ней. Лиза пожим плечами: — Ну, подозревает. Наблюдая за их поспешным отступлением и за этим Лариным, который так ничего и не понял, Яков вдруг улыбнется.

— Ты чего забыла-то, Лиз? — спросит Ларин уже с лестницы. — Ну, то есть вспомнила-то чего? Задержавшись на секунду в дверях, Лиза оглянется и еще раз посмотрит на Якова, прямо ему в глаза.

Чердак. Начало вечера. Будет яркое осеннее утро. Стоя возле окна, Сержаков должен рассматривать в бинокль окрестные дома. За спиной у него будет Ларин.

Чердак. Утро. Шумы и потрескивания радиозвонка. Недавно начатое вязанье должно лежать поверх баула. Сам Яков, прикинув к оптическому прицелу винтовки, будет стоять возле слухового окошка.

Челла. — Ничего, — скажет Лиза. Почему-то испуг, едва успев возникнуть, тут же пройдет, и она вдруг с удивлением почувствует, что ей больше не страшно. Впрочем, вместе с едва возникшим страхом, куда-то улетучится и желание. — Кончай, Витюш, — прошепчет Лиза, не отводя глаз от мужчины.

— А ты? — спросит Ларин. — Я не хочу сегодня что-то... Быстрый, а? Ларин кончит, как всегда, сильно обхватив ее руками. — Пойдем отсюда, — Лиза поднимется и, встав спиной к мужчине за балкой, начнет торопливо надевать платье — прямо на голое тело.

— Почему? — удивится Ларин. — Еще же есть время. — Он повернется на спину и подложит руки под голову. — Пойдем, я вспомнила, что кое-что забыла. Ларин засмеется. — Вспомнила, что кое-что забыла! — Давай! — она поднимет с пола его брюки, которые он, раздеваясь, второпях оставил прямо там же, где снял, и кинет их ему на кровать.

— Ты чего, Лиз? — Ларин удивленно посмотрит на нее. — Ничего, надвоем тут, одевайся! Чего мы куда-нибудь в гостишку не ходим? — пробормочет она, натягивая под платьем трусики. — Бомжатник какой-то. — А это и есть бомжатник. Зато здесь не заскут.

— Ты чего, боишься? — торопливо надевая на себя свои вещи, она будет стараться не глядеть туда, за балку, где затаялся мужчина. — Нет. Жизнь люблю. — Лиза посмотрит на Ларина. — Он убьет, если узнает, — добавит тот.

Бздыхнув, он встанет с кровати и начнет застегивать брюки. — Дурацкая, он не знает? Ларин пораженно повернется к Лизе: — Ты что хочешь сказать? — Ничего, — невозмутимо ответит она. — Пошли. — Даже не взглянув на него, она решительно направится к двери.

— Он что, знает? — не успев толком застенуться, Ларин последует за ней. Лиза пожим плечами: — Ну, подозревает. Наблюдая за их поспешным отступлением и за этим Лариным, который так ничего и не понял, Яков вдруг улыбнется.

— Ты чего забыла-то, Лиз? — спросит Ларин уже с лестницы. — Ну, то есть вспомнила-то чего? Задержавшись на секунду в дверях, Лиза оглянется и еще раз посмотрит на Якова, прямо ему в глаза.

Чердак. Начало вечера. Будет яркое осеннее утро. Стоя возле окна, Сержаков должен рассматривать в бинокль окрестные дома. За спиной у него будет Ларин.

Чердак. Утро. Шумы и потрескивания радиозвонка. Недавно начатое вязанье должно лежать поверх баула. Сам Яков, прикинув к оптическому прицелу винтовки, будет стоять возле слухового окошка.

Рядом с его локтем на подоконнике должна тихо шуршать включенная радиостанция. Команды все не будет, и от него делать он наклонит винтовку, чтобы через оптический прицел оглядеть утрениую улицу между особняком Федулова и домом, чердак которого он занял.

По улице проедет и свернет за угол легковая машина. Где-то, по самому краю видимого через прицел пространства проползет трамвай с приклеившейся к нему сзади уже немного привычной фигуркой мальчишки. Немного численные, озабоченные своими делами пешеходы. Неподалеку от ворот ограды особняка будут пастись два топтуна из наружного наблюдения.

ПОМЕЩЕНИЕ СЛУЖБЫ ОХРАНЫ В ОСОБНЯКЕ ФЕДУЛОВА. УТРО

Щиток должен представлять собой обычную фанерку с вбитыми через равные промежутки гвоздиками. На каждом гвозде будет висеть по ключу от разнообразных чердаков, подвалов и тому подобных волнующих личную федуловскую охрану объектов, расположенных в окрестных домах.

Щиток должен закрываться дверцей, снабженной пластилиновой пломбой, рельефный номер на которой был оставлен принадлежавшей лично Сержакову печаткой. Лиза тихо подойдет к щитку и, оглянувшись — не видит ли кто? — открит стеклянную дверцу.

Нитка, проходящая через пластилин, выдернется со своего места, нарушив целостность пломбы. Еще раз оглянувшись, Лиза снимет ключ с гвоздика. После этого она закроет стеклянную дверцу, вправит нитку в пластилин пломбы и, достав такую же рельефную печатку, как у Сержакова, крепко прижмет ее к мягкой поверхности. На пластилине отпечатается прежний номер.

Теперь все будет выглядеть так, словно дверцу эту никто не открывал. Не будет только снятого Лизой ключа. Особняк Федулова. Утро. Только что побрившийся, Федулов должен стоять перед зеркалом, повязывая галстук.

За спиной у него будет Сержаков с блокнотом в руке. — Значит, что там у нас сегодня? — спросит Федулов. — С утра брифинг в МИДовском пресс-центре, — заглядывая в блокнот ответит Сержаков, — в час дня Совет Безопасности. Заверюха очень просится принять его.

— Да пошел он!.. — возясь с галстучным узлом, пробормочет Федулов. — Вы сегодня в ЗИЛЕ едете, — как бы между делом сообщит Сержаков. — Почему это? — немного удивленно через зеркало посмотрит на него Федулов. Закончив наконец с галстуком, он подойдет к своему столу и пощелкает каку-то бумагу. Ему покажется душно, и он распахнет левую половинку окна.

Сержаков изменится в лице. В один длинный прыжок он настигнет шифра и, кинувшись ему на плечи, с грохотом валит на пол. — Ты что, Костя? — спросит Федулов, придя в себя. Извините, Алексей Пальч. Снайпер там.

Федулов разозлится: — Какой, снайпер? Ты с ума сошел? — Сейчас, я закрою, и вы встанете, — скажет Сержаков, поднимаясь первым. — Вчера в Козырева стреляли. — Он пойдет к окну. — Попали? — Федулов тоже поднимется. — Нет. — Жалко. Скажи, чтоб подали «Мерседес», — Федулов сядет за стол.

Сержаков закроет окно. — Я отвечаю за вашу безопасность! — с ударением на «я» возразит он. — А я за твою трудоустройство, — на сей раз даже не взглянув на него, просто ответит Федулов и углубится в изучение бумаги. В этот момент камера должна начать медленный отъезд, и в затылке Федулова проявится сначала размытое, а потом все более и более четкое перекрестье оптического прицела.

Негромко до нас донесутся шумы и потрескивания радиозвонка. — Там кто-то дверь открывает! — зашепчет Лиза. Оказавшись с ним в узком пространстве за балкой, она тесно прижмется к нему и будет заметно дрожать.

Яков внимательно прислушивается — никаких звуков со стороны двери не будет. Лиза прижмется к нему еще теснее. — Я Инке сказала, что сюда идешь. — Это она, что ли? — иронически спросит Яков. — Не знаю. Я боюсь, — Лиза прильбит свое лицо к приоткрытой губы для поцелуя. — Я вспомнила, что кое-что забыла, — прошепчет она. И тут Яков не выдержит.

Олег ФАЙНШТЕЙН

Чердачная история

Фрагмент сценария

